

*Макс Неттлау*

**На переломе: уходящий  
авторитарный и восходящий  
либертарный век**

# Оглавление

\* \*

7

Нынешнее трудное экономическое и политическое положение во всех странах вызывает всеобщие волны недовольства, а часто и отчаяния, но оказывает различное влияние на население разных стран, так как их прошлая история и события с 1914 до 1918 года поставили каждую из них в особое положение, подвергли их различным влияниям и, таким образом, создали различные умственные и материальные условия. Здесь — безумное отчаяние, в других местах — надежда. Может быть, что самые превосходные свободники, имеющие долгий опыт, чувствуют так, как товарищ мне пишет, говоря, что ему кажется по временам, что мы являемся еще одной религиозной сектой, проповедующей этику в неэтическом мире. Так, по временам, кажется одному она существовала много столетий; возможно, она будет существовать и в дальнейшем в другой форме, но сейчас мир — сумасшедший, власть является доминирующей идеей, а мы все — мечтатели в холодном и жестоком мире. Так «по временам» кажется одному из лучших. *Несомненно* также, следующее: что нынешняя общественная жизнь обещает стойким, то может вызвать у некоторых пессимизм. Но я думаю, что это только действие борьбы между прошедшим и будущим, которая затемняет мечту. Мы находимся посредине самой ожесточенной схватки между грубыми силами власти и моральными силами свободы. Большинство так захвачены борьбой, что мы не можем охватить взором все поле сражения и заметить признаки, указывающие на возможность победы свободы.

Что касается меня самого, то я должен сказать, что нынешний кризис дает мне такую надежду, какой я не имел с моих ранних дней. Я попытаюсь объяснить причины, так как я думаю, что это самая важная проблема, стоящая перед нами: преодоленная пессимизмом, наша жизненность сокращается; рожденные с надеждами, наши силы ободряются и увеличиваются; в дополнение к этому, по моему убеждению, течение эволюции направлено в нашу сторону и мы должны плыть, так как оно принесет нас к нашей цели.

Это существенный пункт в анархизме: он идентичен с самыми совершенными формами прогресса. Он — не система устройства жизни, а сама жизнь, освобожденная от искусственных препятствий. Поэтому, анархический дом не будет домом, построенным по каким-нибудь официальным планам, созданным анархическими архитекторами, но домом, который не будет изуродован скупостью домовладельца, жадностью строителя, неопрятной работой плохо оплачиваемых рабочих, интересами бизнеса и объявлениями, плохим вкусом невежественных квартирантов и другими факторами, которые в большинстве случаев сегодня являются главными: он будет производством бескорыстных чертежников и, рабочих, любящих свою работу, в согласии с интеллигентными людьми, которые будут знать, как придать своему дому индивидуальный характер, не увлекаясь эксцентричностью, которые сделали бы дом отвратительным для соседей и негостеприимным или бесполезным для других, которые позже захотели бы поселиться в нем. Каждый будет делать все лучшее, каш

это делается и сегодня среди друзей, в семьях, даже среди незнакомых людей в особых общественных случаях, когда все чувствуют себя счастливыми и веселыми, как это делается нормально порядочными людьми в их отношениях к людям. Нет абсолютно никакой причины, вследствие которой эта увеличивающаяся обходительность не может стать всеобщей, по которой чувство солидарности, общего владения, бескорыстия и отсутствие частных желаний, что оживляет всех, посещающих национальный музей, общественную библиотеку, городской парк и т.д., не следует сделать всеобщим. Разве мы хотим взять домой картины из музея и редкие книги из библиотеки? Нет, наоборот, мы рады тому, что эти предметы освобождены от частной собственности и находятся сейчас в безопасном распоряжении каждого, как будут находиться в распоряжении всех в будущем. Хотим ли мы быть собственниками тех домов, лавок и земли, мимо которых проходим? Мы о них совсем не думаем, как только поднимаемся немного выше хлебной очереди и можем немного украсить свою жизнь. Те, в ком живет постоянная жажда обладать всем, — или совершенно бедны и находятся в отчаянии, или же ненормальные люди, страдающие отсутствием общественных чувств. Но они являются меньшинством, которое следующим социальным сдвигом будет выведено из действия, а также лишены возможности повредить, которую они имеют теперь.

Все это — бескорыстие, общественность, благоразумное поведение — характерные черты людей образованных, моральных, интеллигентных, изысканной жизни и анархического поведения. И когда люди увидят, что все их лучшие вдохновения совпадают с анархизмом, они будут на пути к нему и будут стараться узнать, как удалить препятствия, мешающие его полному осуществлению.

Эти препятствия, опять таки, точно такие же, какие большинство людей чувствует на своем собственном пути. Кому нравится государство? Любит ли кто-нибудь сборщика податей? Кто имеет настоящую веру в политиков? Кто не уверен в том, что работа, сделанная «государством», предписанная чиновниками и исполненная другими чиновниками или жадными подрядчиками, является дешевой, неудовлетворительной и принудительной по своим последствиям? Для кого — как бы кто ни был подготовлен теоретически для признания государства — государство во всех его практических действиях не представляет собою беспокойства, расточительности и некомпетентности? Или судьи, полиция и военщина — кто не рад, если не имеет ничего общего с ними, кто не боится самого худшего, если попадает в их руки?

Муниципалитеты хороши в абстракции, но на практике не означают ли они хозяев и разного рода крупного разврата и расточительности? Или обратим внимание на капиталистов, банкиров и хозяев, Если даже по учебникам политической экономии все они считаются чрезвычайно полезными гражданами, на практике большинство людей теперь не доверяют банкирам; они видят, что мультимиллионерство капиталистов имеет очень малое значение для их

карманов, они имеют представление о жестоких делах многих компаний, капиталистических магнатов и частных хозяев. Кто, кроме непосредственно заинтересованных лично, питает симпатии и уважение ко всякому существующему учреждению, поддерживающему капитализм и государство в их подлинной работе, а не в такой номинальной абстракции? Очень немногие сейчас настолько наивны и ограничены в области мышления; большинство людей видят, что они окружены сетью, которая означает для них столько же добра, сколько добра означает сеть паука для мухи. Какое учреждение не было так сурово раскритиковано, как только анархисты могли это сделать, которое не представляло бы ярких образцов вредности, бесполезности или некомпетентности?

Это применимо к нынешнему положению каждой страны, большой или малой. Государства знали только вооружаться, устраивать войны. За 14 лет они не могли найти пути к разоружению и к установлению настоящего мира. Государства знают, как воздвигать новые крепости, как затруднять торговлю при помощи новых тарифных стен, но они не знают, несмотря на настаивания экономистов, как устранить все эти препятствия. Капиталисты умеют приказывать своим техническим экспертам «рационализировать» продукцию, а рабочим — трудиться с повышенной интенсивностью и чудовищно увеличивать объем продукции, но они не понимают, как заставить государства — их собственные исполнительные органы — не разрушать рынки при помощи их злых действий даже после 1914 года, разоружиться, сократить другие их губительные расходы на бюрократию, не толкать другие страны в пучину гражданской войны, губительной для бизнеса. Те, кто контролирует общественное мнение — политики, пресса и кафедра, учителя и люди науки, — не умеют ни устранить военные настроения, созданные чувствами страха и мести, ни распространить доверие, взаимную добрую волю и практический здравый смысл среди людей. Одним словом, каждая попытка облегчить последствия четырехлетней мировой оргии взаимного постыдного убийства и подлой клеветы кончалась неудачей в течение этих 14 лет. Основным организмом современного общества, изуродованный и обессиленный четырехлетним разрушением, с тех пор не был исцелен, воспитан или сделан выздоравливающим, но излечивался при помощи разного рода жульничества, отягощения, поджигательства и разложения таким путем, что в настоящее время *исцеление по старым методам безнадежно*. Больше того, *эти старые методы* не могут быть даже применимы, ибо в настоящее время находятся в действии те силы, которые в действительности продолжают войну, готовятся к новому взрыву и, логически, не стоят на пути к исцелению.

Вооружение, военные долги, тарифные стены, финансовые взаимоотношения, национальные ожесточения, самолюбие политиков и партий, безразличие, предупреждения, фанатизм и действительное невежество масс — над всеми этими и другими областями таких неизбежных народных и общественных интересов господствует хаос, разъединение или преобладает деспотическая

воля сильнейших. Золото приказывает, существующее вооружение приказывает, смелая готовность к войне приказывает, национальный фанатизм приказывает — разум бессилён, человеческие чувства отсутствуют, практический здравый смысл кажется исчез — все это может быть достигнуто в 1933 году, как и 14 лет тому назад, может придти в самой бессмысленной форме, чтобы отложить дела до следующей конференции после 34 конференций, состоявшихся во все эти годы.

Это означает не только политическое и экономическое, но и интеллектуальное и моральное банкротство системы, основанной на монополии частной собственности, связанной с принудительным подчинением народа силе государства. Обе составные части системы были сильны, когда успехи были с ними: невзгода показывает их пустоту и практическое отсутствие настоящей власти. Ибо, что такое государство, если не бюрократия, предполагающая управлять общественными делами с умеренными успехами? Если они загонят народную телегу в болото, как это они делали, там она и застрянет, как каждая телега застрекает; если они не смогут ее вытянуть, как это ясно из этих 14 лет, это логически означает банкротство, которое ведет к *ликвидации* — слово, которое прудонисты и другие анархисты всегда употребляли, когда говорили об упразднении государства. Тогда это был утопический сон в глазах многих. *Сейчас* он очень близок к действительности. Что касается частной собственности, то такая собственность должна найти рынки для сбыта, но такие рынки исчезают; она должна найти потребителей, покупателей, а разоренные и безработные не в состоянии покупать. Так тускнеет ореол, окружающий частную собственность — бездействующие фабрики, железные дороги и пароходы с малыми грузами стоят перед опасностью потерять свою ценность, как теряют ее запасы товаров в складах, а голодающие люди, безнадежно безработные, по всей вероятности, могут проявить нетерпение. Вооружения «требуют обновления, а это требует новых денег в виде налогов или займов, а они не поступают с прежней скоростью и неистощимостью.

Вкратце, в течение многих лет можно было поддерживать настоящую систему выплаты старых долгов новыми займами, в сущности никогда не погашая долгов. Но каким-то образом *доверие* теперь поколеблено и высокое здание разваливается; его основная сущность слишком мала, чтобы перенести благополучие чрезмерно большой государственной бюрократии, а также военных, капиталистических и ростовщических классов наряду с созданными ими депрессией и безработицей. Шар, упавший в пустыне развалин, созданной разрушением и 14-ью потерянными годами, никто не может надуть еще раз.

\* \*

В этом анализе нынешнего положения я не имел случая упомянуть социализм. Я указываю здесь на две большие вариации *авторитарного социализма*, на социал-демократию и на коммунизм (русский советизм). Что в самом деле они сделали? У них не отсутствовали возможности: целая Россия — Сибирь со сравнительно малыми усилиями подчиняется большевизму в течение 15-ти лет, а в большинстве других европейских стран социал-демократы были у власти частично или полностью в послевоенные годы. Они считаются безопасной правительственной партией и имели все возможности, во Франции с Мильераном, Брианом и др. в течение 30 лет, в Германии с 1918 г., в Англии со времени рабочего правительства в 1921 г., в Швеции, Дании и в других странах. Тем более нужно сказать, что итальянский фашизм есть смесь государственного социализма, капитализма и национализма, организованный опытным бывшим социалистом. В Соединенных Штатах организованный труд занимает место социализма и не без средств, дабы дать себя почувствовать, если он действительно имеет что-нибудь сказать.

Таким образом, *авторитарный социализм*, много соревновавшийся и очень неразвитый фактор общественной жизни 60, 50 и даже 40 лет тому назад, внезапно выдвинулся вперед после 1917 и 1918 года . . . не во всех случаях при помощи своей мощи и усилий, но главным образом потому, что капиталисты во всех их плачевных делах с 1914 года желали разделить ответственность с рабочими, а в незначительной степени разделяли даже доходы, как делали это *военные* индустрии, давая большой заработок; *официальные* карьеры внезапно становились открытыми для лидеров и, как ничто другое, были желательны и приемлемы для капиталистов, ибо благодаря этому продолжалась доставка рабочих для военных заводов, рабочих для военных барачков; это вызывало довольство рабочих классов, сложение с себя обязанностей и порождало патриотический восторг от таких взаимных соглашений. Россия» была пятном на этих схемах, которые так хорошо вырабатывались на Западе; также в Германии, Италии капиталистические намерения были нарушены.

Результатом всего этого был нынешний государственный социализм в России, который я не нахожу нужным обсуждать здесь. Это не привлекательная форма социализма для России, а попытка навязать его другим странам содействует только сокращению и подрыву социал-демократических партий, в то время, как само население не решается принять всецело странную и неудовлетворительную систему, вследствие ее непривлекательных действий в современной России. Социал-демократические и лейбористские правительства не позаимствовали ниоткуда великодушной и талантливой инициативы, чтобы серьезно улучшить общее критическое положение. В действительности, им нечего было сказать и они никогда ничего не скажут, кроме чего-нибудь в абстрактной форме в парламентах. Все эти партии являются не чем иным, как избирательными машинами для создания наибольшего количества депутатов, что может быть достигнуто при помощи обольщения широких масс избирате-



лей реформистской и национал-патриотической фразеологией, но, конечно, не при помощи предъявления им социализма и социальных проблем в их истинных цветах.

Все это означает в действительности, что *авторитарный социализм* уничтожает сам себя « России своим огромным самолюбием, несолидарностью, а во всех других местах вследствие превращения в чисто-политические партии, связанные с поддержанием *существующей системы* — как раз в те годы, когда эта система шатается и крошится — и заботящихся о разделении власти с врагами социализма, государством и капиталом. Это делается с той целью, чтобы оказаться в выигрыше в обоих направлениях — или спуститься к власти в качестве сотоварищей и помощников буржуазии или захватить власть при помощи государственного переворота (*coup d'Etat*), как это сделали большевики, а затем узурпировать и монополизировать государственную власть, как они делали и продолжают делать. Никакими успехами не может увенчаться это предательство социализма, как показывает ненадежное положение большевизма после 15-летнего существования; это означает пребывание у власти и поддержание ее, а это является достаточным обвинением для *новой социалистической бюрократии*, готовой занять место *старой капиталистической бюрократии* или объединиться с нею. Рабочие — это беспомощные массы индустриальных рабов, как налогоплательщики, являются беспомощными платящими массами капиталистических партии. Но эта тесная связь с разлагающейся системой заразила и сделала дряхлыми социалистические партии быстро и фатально: из бывшего, по крайней мере по их мнению, авангарда социалистического прогресса, они превратились сейчас в прочные опоры закона и порядка, в самые отсталые, самодовольные и болеутоляющие элементы.

Они наслаждаются властью; они защищают существующую систему, — они не могут показать ничего своего собственного даже там, где вся полнота власти находится в их руках, за исключением нынешнего советского государства, где они тиранизируют огромный народ, как это делал царизм; в *таком случае, к какому веку они принадлежат: к Прошедшему или к Будущему?* Муссолини восстановил средневековье; большевицкое управление похоже на царское; социал-демократы и люди из Рабочей партии поддерживают нынешнюю капиталистическую систему — какие больше нужны доказательства для того, чтобы показать, что все они уносятся из отвратительного Настоящего в мрачное Прошлое. Больше того, они не делают серьезных попыток, чтобы преодолеть нынешний кризис. Они не могут. Они интеллектуально и морально отреклись, как социалисты. Их вера в социализм исчезла; они верят в государство — принудительное урегулирование общественной жизни всего человечества. Но развитое человечество всегда будет презирать такой обман: если человечество волнуется, оно волнуется не для того, *чтобы быть деспотически управляемым социалистами подобного рода*, после того, как оно деспотически управлялось

феодализмом, капитализмом и государством.

Это очень ясно видно в Испании, где авторитарные социалисты, как министры и депутаты, депортируют анархистов и синдикалистов, преследуют во всех направлениях синдикалистскую организацию (С.Н.Т.), которая является опорой сегодняшнего сопротивления испанских рабочих в их рабочей борьбе, надеждой на завтрашнюю возможность и организацией идеальных анархических и анархо-синдикалистских концепций. С этой массой, приблизительно в миллион рабочих, обращаются как с врагом и как недругом официальных социалистов: ожидает ли кто-нибудь, что *после этого* такой «социализм» будет желателен в новом обществе? Нет, этот социализм показывает свой настоящий цвет *теперь*, он обрушивает мщение на анархистов *теперь*, он не будет снова желателен. Или же немецкий Носке и другие, русский Сталин и другие, будут ли они все желательны для управления в новом обществе? Очевидно, нет: их время было, еще существует теперь, а после этого — все будет кончено.

Эти веские и ясные факты, о которых мы думаем, с каждым днем становятся яснее. Если новое общество придет, оно будет *либертарным*. Это слово означает разные применения свободного или добровольного социализма, как многие формы анархизма, добровольная кооперация, а также свободные формы синдикализма, если в свободном мире настоящие синдикалисты будут держаться вместе, так как теперешняя система спаяла их для рабочей борьбы. Больше похоже на то, что они присоединятся к анархическим группам по выбору и родству. Или, может быть, технически полезные большие единицы рабочих еще будут называть себя синдикалистами, между тем они были бы только нейтральными группами, кооперирующими свою деятельность, а сами индивидуально группирующиеся по своему усмотрению. Не имея никого впереди себя для борьбы, настоящие синдикалисты рассеются, как и единицы армии. В этой сфере новое общество создается бы без принуждения, государственности, авторитета, в котором, как это наблюдается сегодня, никто не позволил бы отсталому, невежественному человеку исполнять какую-нибудь деликатную, утонченную работу, поэтому не было бы необходимости управлении авторитарных социалистов в новом обществе.

Маркс и другие, вплоть до Ленина, сами сознавались, что анархизм следует за их периодом диктатуры. Так и будет; но *так как они имеют диктатуру сейчас* против буржуазии (Россия) или совместно с нею (другие страны), то их «историческая роль», подарим им этот титул, закончена теперь. Это наверное будет разочарованием для их последователей, которые замечали очень мало, особенно мало хорошего для них от этого исторического явления, но их лидеры имели очень много от него. Маркс наслаждался диктатурой всю свою жизнь, с 1844 г. Энгельс пиршествовал в ней до своей смерти в 1895 г. Жорес был духовным руководителем Франции целые годы. Бебель, Либкнехт, д-р Виктор Адлер, Грейлих, Вандервельде, Мильеран, Бриан, Ферри, Турати, Иглесиас, Гайндман, МакДональд, Брантинг, Ленин, Троцкий, Сталин и все другие были

действительно некоронованными королями европейского пролетариата. Эти династии уже вымирают: настоящее поколение не создало имен, которые можно было бы запомнить. Поэтому почва сейчас свободна; и те, которые хотят видеть авторитарный социализм, стоящим перед собою, в самом деле, наивны: они никогда не увидят его в большем масштабе, чем мы уже видим. И этого совершенно достаточно.

Не будем заблуждаться или огорчаться из-за настоящего укрепления авторитарности во многих странах. Это результаты неустойчивых экономических условий и нетерпимости с неработоспособностью всех находящихся у власти, включая социалистов, — управляющих или влияющих на большие партии. Эти народы имели мало доступа к либертарному учению, даже к либеральным идеям, так как в течение 70 лет авторитарные социалисты делали все, что могли, чтобы устранить эти идеи, от либерализма (как это делал Лассаль) до анархизма. Поэтому анархисты всегда имели двух жестоких врагов: государство и социал-демократов; и, несмотря на то, что его последователи твердо выстаивали против государства, не всегда было возможно твердо устоять против социал-демократов, так как они в ранние годы представляли социализм и, как социалисты, не считались врагами, между тем, как *они* всегда считали анархистов хуже врагов. Поэтому почва недостаточно подготовлена (исключая значительные части Испании), но рассеяние иллюзий об авторитарном социализме уже пришло, какие бы ошибочные формы он ни принимал перед людьми, которые не знают лучшего. Они знают *даже то*, что социал-демократические лидеры, депутаты и министры не помогут и не спасут народ. *Теперь время для либертариев* говорить к людям, объяснять им свои идеи более подробно, более широко, чем до сих пор делали, и делать это во всех странах и на всех континентах.

Где эта работа серьезно началась, как в Испании, чудесно смотреть, как скоро падают ограничения, которые мы сами в ранние годы позволили налагать на анархические идеи.

Были времена, когда анархисты-коммунисты считали необходимым отвергать индивидуализм, когда Малатеста часто подвергался нападкам за то, что был слишком усердным организатором, когда другие смотрели на анархизм совершенно так же, как смотрел Кропоткин в «Завоевании Хлеба», не представляя его ни в каких других формах, когда терпимость рассматривалась как измена, а наличие двух или больше концепций анархической жизни рассматривалось, как нечто губительное. Все эти и другие особенности свойственны детскому или книжному возрасту, когда программы, памфлеты и несколько ораторов, казалось, захватят и овладеют неизменяемой и непогрешимой доктриной. Этот период сейчас прошел, по крайней мере, там, где товарищи находятся в настоящей связи с народом, как это наблюдается сейчас в самых больших частях Испании. Здесь всеобщий идеал — это *свободный коммунизм*.

Короче говоря, товарищи чувствуют, что анархическое сознание и анар-

хические действия являются существенными факторами, которые должны исходить от каждого, согласно его собственным качествам, возможностям, ритму и темпераменту. Вот почему платформистские доктрины кажутся такими пошлыми испанским рабочим, из которых очень многие знали их еще раньше (1926), когда были в изгнании во Франции, и, за небольшими исключениями, всегда отвергали их. *К свободному коммунизму*, безотлагательной мере, присоединилась свободная коммуна (*municipio libre*), как непосредственная среда действия, а также интер-солидарность, как организация, Национальная Конфедерация Труда — это прообраз ее, как метод расширения местной активности и создания необходимого базиса для соответствующего производства и распределения существеннейших предметов. Это в истории анархизма решительный шаг от теории к практике, от изучения в лаборатории к мастерским, от отвлеченных ожиданий к действительности, подготавливающейся сейчас в головах и сознании многих.

Если бы только свободники других стран заговорили, а также воплотили свой идеал в конкретную форму перед всем обществом, в котором, кроме всех отчаянных государственников, ожидающих помощи в прошлом, в большем принуждении, в новом закреплении, существуют хладнокровные и либеральные элементы, которые едва ли или совсем не слышали об этих сегодняшних аспектах анархизма. Они находятся под впечатлением, что анархизм означает точное воспроизведение личных концепций Кропоткина, или что при помощи кровавого реванша он может установить царство террора более жестокого, чем даже большевицкий, или что мы являемся только толстовскими нравственными проповедниками, не подходящими для наших жестоких времен. Они игнорируют то, что для очень многих из нас этот сектантский период закончился. И, конечно, если бы старые учителя анархизма были живы сейчас, они первыми заметили бы это и сделали бы большой шаг вперед.

Положение созрело сейчас, государства и капитализм потерпели банкротство. И чем дольше они существуют, тем больше несут потерь. Народ сознает, наученный опытом, что государственный социализм тоже обанкротился и может высосать последние ресурсы из народа, если он успеет осуществиться и принудить народ к нему подчинению. Созревает также очевидное пробуждение народной воли для создания перемен: всеобщее волнение, которое никто не может усмирить теперь. Социалисты — самые консервативные части населения теперь, потому что они были воспитаны верить в Маркса теоретически, повинаться своим лидерам практически и ожидать чего-то с высот — если не с неба, как религиозные верующие, то хотя бы от государства, — если не от священников, то хотя бы от общественных политиков. Не-социалистические массы не воспитаны в таком духе, поэтому *здесь* они присоединяются к коммунистам, а *там* они очарованы и замануты националистами и фашистами. И приходится горько сожалеть о том, что свободники не внимательны к настоящему положению и распространяют свои идеи не в современных

и прямых формах, а — как это часто делают — кружным путем пробуждения интереса к анархическим мыслителям прошлого — очаровательное изучение несомненно, но недостаточно привлекательное для измученных, полуразоренных, полуголодных, нервных и озлобленных масс настоящего времени.

Общество достигло разделения между старыми авторитарными методами, доминирующими в религии, как привилегии, монополии, государство и капитализм, авторитарный социализм, выражающийся в практическом бесстыдстве, разрушении и бессилии всех этих одно время сильных и хвастливых учреждений, — и реакцией человеческой свободы, достоинства и счастья либеральными методами, которые всегда были движущей силой искусства, создателем науки, мотором эволюции Этики, духа Прогресса. Солидарность и Великодушие являются либеральной стороной этого разделения и с их помощью начинающиеся источники и маленькие ручейки Свободы скоро объединятся и станут быстрыми течениями и мощными реками. «Авторитарность, так сильная в прошлые века, уменьшается, как ручьи уменьшаются, когда мы поднимаемся выше разделения. На стороне будущего, дальнейшей стороны разделения, все однажды начавшееся, увеличивается в силе; на стороне авторитарности оно делается малым и не имеет больше полезности, когда мы отстраняемся от прошлого так непреодолимо, как непреодолим сам Прогресс, индивидуальные и социальные формы его неотделимы от него.

Мы, по моему убеждению, в лучшем положении, ближе к нашим заветным целям, чем нам кажется и чем я думал сам не так давно. Не по нашему достоинству, которое действительно малое, но благодаря подавляющей силе Прогресса, течение которого также является нашей движущей силой. Прогресс обозначает развитие от менее совершенного к более совершенному, применение Прошлого к Настоящему, подготовки Настоящего к Будущему. Будущее может быть только *не самолюбивым счастьем*; но *всегда* является стремлением всех хороших людей и стремлением всех анархистов. Власть, возможно, была пленкой в детстве, возможно, была роговой оболочкой, охраняющей куколку, но совершенно не нужна вылетевшей бабочке; она теперь, как коричневая шелуха, покрывающая листья почек на деревьях, которые покрывают почву в лесу весной после того, как зелень разрывает их и они раскрываются по своей воле и силе. Весна наступила для человечества и поэтому все эти охраняющие покрытия, имевшие свое время, падают на землю. Так марксизм, социал-демократия, большевизм имели и имеют свое время, свой полный простор; теперь они стали пеной, как бесполезные органы.

Когда будущие поколения глянут назад на настоящее время, они сразу увидят, что все это не могло быть иначе. Оно должно произойти само по себе, по своей энергии и воле. Никто не думает об освобождении почек от их шелухи; их собственная энергия, когда появится настоящая сила, игра ветра, луч солнца, несколько капель росы или дождя достигают целого мира деревьев — в международном масштабе. Немногие анархические группы и газеты не могут

создать анархизм, но пробуждающееся человечество может и создаст. Но мы можем указать путь и помочь очистить его; прежде всего мы должны предупредить тех, которые теперь бродят, ища света, и находят приют в старых авторитарных ложных понятиях.

Мы не «мечтали в холодном и беспощадном мире», если посмотрим настоящему положению прямо в лицо. Мир огненно-красный от возбуждения и горит от злости и негодования, от того, что плачевно, жестоко и цинично обманут всеми учреждениями, в которые он веками учился верить. Эти учреждения сейчас закрыли ставни, как и многие банки, и действующая сила теряет свою стоимость в мире банкротств и безработицы.

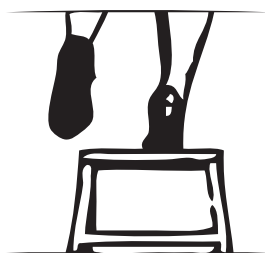
Будущее, скорое будущее, достигнет высшего момента, и если не будет панического страха к примитивному карабканию сильнейшей универсальной морали, если не физического каннибализма, — путь вперед должен быть указан и выработан, путь солидарности, благородства, свободы, которая идет в одном направлении с анархизмом, пока оба пути не сольются в один: в свободную жизнь свободного Человечества.

Это, по моему мнению, наша настоящая миссия: указать, что авторитарное прошлое дошло до такой границы, что только можно описать, как плох долг несостоятельного должника, и что время для нового начала в направлении свободы давно уже начертано, настало. Это не голос пророка, не сон утопистов, не вера сектантов и фанатиков, как мы называемся, а настойчивый призыв Прогресса, требования времени. Анархизм, как мы понимаем теперь, не мог вступить в практический контакт с жизнью, поскольку, как это было не так давно, все авторитарные силы были мощны и благополучны, но теперь может и должен, когда естественная и неумолимая эволюция сама обратила в бегство всех государственников, включая и социалистов. Этот колоссальный исторический факт устанавливает контакт и мы теперь можем быть непосредственно полезными Человечеству, указать дорогу к Свободе; это также очистит нашу собственную дорогу и наше дело выиграет, так как оно дело самого Человечества, борющегося и прогрессирующего.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

25 июля 2014



Макс Неттлау

На переломе: уходящий авторитарный и восходящий либертарный век

1932

Сохранено 19 июля 2014 года из <http://spb-anarchists.anho.org/nettlau02-09.htm>